

Д. А. Бажанов, Р. А. Бугаев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССАРОВ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД ПОДАВЛЕНИЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ Л. Г. КОРНИЛОВА

Борьба с корниловщиной на Балтике, в силу ее значимости для политической обстановки в стране, неоднократно затрагивалась специалистами. Еще в рамках работы Морской исторической комиссии были подготовлены первые исследования, касавшиеся этой проблемы. Впервые они были рассмотрены в контексте революционного процесса в работах А. С. Штарева и М. Э. Зингера¹. В работах намечены основные этапы революционной борьбы балтийских моряков. При этом авторы стремились показать сознательную поддержку матросских масс, не затрагивая организационную деятельность.

К сюжету о положении на Балтийском флоте накануне и в дни корниловщины обратился В. П. Автухов². Он стремился показать роль матросских команд в борьбе с правительством, поэтому особенно подробно анализировал ситуации их коллективного протеста. В частности, автор остановился на отказе команд выдавать «подозрительных лиц» после июльских событий, а также «совершенный из чувства самообороны» расстрел офицеров линкора «Петропавловск». Введение института комиссаров В. П. Автухов оценил как временный «революционный контроль», обусловленный неясной позицией офицерства³. Схожую точку зрения высказал и А. К. Дрезен⁴. Стоит отметить, что ими совершенно игнорировалась деятельность других органов революционной власти.

В 1930-е гг., особенно после выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», на первый план выдвигалась роль партии большевиков. Отмечалась важность деятельности создаваемых чрезвычайных органов управления. Именно они «преградили дорогу корниловским войскам и надломили их силы»⁵. При этом подчеркивалось, что именно депутаты-большевики были инициаторами преобразований. Такой подход нашел свое отражение во многих трудах, посвященных истории революции на Балтике⁶.

В 1960-е гг. были опубликованы исследования, посвященные непосредственно Центробалту⁷. Они окончательно закрепили тезис об «огромной работе», проделанной ЦКБФ по «обеспечению активного участия балтийских моряков в Октябрьском вооруженном восстании». Одним из механизмов было распространение института комиссаров⁸. Роль других революционных органов власти в Финляндии, в частности Советов, в борьбе с корниловщиной на местах отметил С. С. Хесин⁹.

Современные исследователи в целом остались на этих позициях, т. е. рассмотрения событий конца августа — начала сентября как результат работы одного органа власти. Более подробно рассмотрела роль Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих в введении чрезвычайного управления в Финляндии петрозаводская исследовательница Е. Ю. Дубровская. В то же время она делала вывод о последующем «смещении» власти от органов широкого демократического представительства — Советов — к различным комитетам. Воплощением процесса она считала Революционный комитет Финляндии¹⁰. Р. А. Бугаев, в свою очередь, посвятил небольшую статью роли комиссаров ЦКБФ в аресте командира 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта А. Н. Долгорукова¹¹. Таким образом, предлагаемая статья направлена на систематизацию материалов о деятельности революционных комиссаров в Финляндии в дни борьбы с корниловщиной, на выявление их роли в драматических поворотах этой борьбы, приведших к новым, со времени Февральской революции, случаям кровопролития.

Процесс создания института комиссаров на Балтике прошел длинный путь в 1917 г. Впервые комиссары получали назначения от имени Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции. Помимо правительственных учреждений они рассылались и в воинские части столичного гарнизона, а также и на военно-морские базы Балтийского флота: Кронштадт, Ревель. Делегация, прибывшая 4 марта на главную базу Балтийского флота — Гельсингфорс — в составе Ф. И. Родичева, М. И. Скобелева (товарищ председателя Петроградского Совета), а также депутатов Петроградского Совета матросов Л. Хомякова и В. Масловского и солдата Ю. А. Кудрявцева, имела полномочия и от ВКГД, и от Совета.

Следующим этапом следует считать назначение на Балтийский флот правительственного комиссара. 11 мая в штабе флота и на заседании Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта) был представлен в этом качестве вернувшийся из эмиграции депутат 1-й Государственной думы, один из организаторов восстания моряков в Кронштадте летом 1906 г. Ф. М. Оникко¹². В свою очередь, и Центробалт в мае направил «для связи» в штаб командующего флотом своего представителя, А. С. Штарева, который был назван комиссаром при штабе. 6 июня он

отказался от должности, и был заменен на С. С. Магнитского¹³. 8 августа на эту должность ЦКБФ III созыва избрал Д. М. Морейко¹⁴.

В дни корниловского выступления распространение деятельности комиссаров на войсковые части и государственные учреждения было инициировано двумя сторонами. 28 августа, на утреннем заседании Центробалта после выступления представителя Центрального исполнительного комитета военного флота (Центрофлота) Н. Саморукова его члены приняли решение «сейчас же послать представителей по кораблям и уполномочить их в качестве комиссаров для крупных судов». Председатели судовых комитетов должны были играть роль их заместителей¹⁵.

Однако днем на совместном заседании Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих, Центрального комитета Балтийского флота, Областного комитета Финляндии, а также представителей судовых и полковых комитетов было принято решение о создании чрезвычайного органа управления — Революционного комитета (РК). Он также получил право назначать своих комиссаров в штабы и управления воинских частей, в том числе и имевшие отношение к управлению флотом¹⁶. Это вызвало неодобрение Центробалта, вечером того же дня потребовавшего разграничения полномочий. Председатель ЦКБФ С. С. Магнитский ссылался на то, что «самостоятельное вмешательство Революционного комитета в жизнь флота может повести к печальным результатам и недоразумениям»¹⁷. Итогом стала единогласно принятая резолюция, требовавшая от революционных органов власти, создавших Ревком, т. е. от ИК Гельсингфорсского Совета и Областного комитета Финляндии, соблюдать следующий принцип: «служба связи, пр[ямой] телефон и телеграф, штабы и распоряжения командного состава, относящиеся к флоту, находятся в ведении ЦКБФ, вышеозначенные же организации могут иметь там своих представителей только для связи»¹⁸.

Разногласия удалось преодолеть на следующий день, 29 августа. ЦКБФ сохранил преимущественный контроль над управлением флотом, в то время как комиссары Революционного комитета были направлены в органы гражданской власти и в сухопутные части.

Действия комиссаров формально определялись теми правами, которыми их наделяли постановления соответствующих революционных органов власти. Их объединяли требования санкционирования всех действий представителей командного состава, а также установления контроля за средствами связи. Их действия можно условно разделить в зависимости от места направления комиссаров. Комиссары РК и ЦКБФ, назначаемые в штабы соединений, а также в Службу связи Балтийского флота, в первую очередь ставили под контроль распоряжения командования и передачу информации.

Примером могут служить действия комиссара РК при штабе Свеаборгской крепости К. Полагина. В день назначения, 29 августа, он добился от коменданта крепости генерал-лейтенанта Н. А. Бржозовского (героя обороны Осовца) издания приказа № 248. В нем Бржозовский заявлял о согласии действовать в соответствии с «предложениями Революционного комитета Финляндии и его комиссара», что подтверждалось скреплением приказа подписью последнего. Также комендант распорядился установить дежурства «броневых взводов при Мариинском дворце, которые поступают в полное подчинение и распоряжение Революционного комитета. Командиру броневого дивизиона немедленно сделать наряд, выслать броневой дивизион 16 часам 29-го сего августа в указанное место»¹⁹. Проверка исполнения этого приказа возлагалась на комиссара при бронедивизионе А. Михайлова²⁰.

Схожего содержания приказ был подписан начальником Або-Оландской укрепленной позиции (АОУП) 30 августа. В нем он также определял, что «комиссару Копылову даны Революционным Комитетом <...> неограниченные полномочия при предотвращении контрреволюционных выступлений в вопросах поддержания порядка. Поручаю контролировать все действия и распоряжения, исходящие от меня, не исключая и оперативной части. Все распоряжения, исходящие от меня и от моего штаба, будут скрепляемы подписью комиссара Копылова или же его помощниками»²¹. Были блокированы любые приказания, не согласованные комиссарами РК (М. Савоськиным) и ЦКБФ (П. С. Сутыриным) из штаба сухопутных войск, подчиненных командующему флотом. Действуя совместно с комиссарами Северного района Службы связи Балтийского флота, они полностью контролировали передачу информации. Командующий Балтийским флотом контр-адмирал А. В. Развозов со своим штабом, а также правительственный комиссар Ф. М. Оникко находились в Ревеле.

В результате информацию о положении дел в Гельсингфорсе Развозов получил лишь благодаря настойчивости начальника штаба Минной обороны капитана I ранга М. А. Беренса. Тот на свой страх и риск отправил в штаб юзограмму с описанием последних событий и мнением помощника правительственного комиссара на Балтийском флоте С. К. Франкфурта о вмешательстве революционных органов власти во все сферы управления, не исключая и оперативного, т. е. связанного решением вопросов боевого характера. Далее Беренс сообщал, что попытка Франкфурта самостоятельно известить командующего и Ф. М. Оникко через Службу связи провалилась, т. к. «комиссар у них, забравшийся туда, сказал, что все это не соответствует истине». Мотивировалось решение не отправлять юзограмму Франкфурта тем, что «по словам его [комиссара в Службе связи. — Авт.] они взбудоражат зря тебя и Оникко»²². Важную роль,

как свидетельствуют рассматриваемые события, играли и комиссары, находившиеся в Службе связи.

Кроме Службы связи Балтийского флота сведения о событиях передавались и по телеграфу. Наблюдением за корреспонденцией занимались органы военной цензуры. Центральная военно-цензурная комиссия в Финляндии была взята под контроль Гельсингфорским Советом еще в марте 1917 г., в первые дни революции. Надзор за работой цензоров осуществлял прапорщик В. Берваль. Однако цензура штаба 42-го армейского корпуса, находившаяся в Выборге, оставалась неподконтрольной. Поэтому РК счел нужным направить туда своим комиссаром Ф. Судакова²³.

В ряде случаев действия комиссаров опирались на местные органы революционной власти, в первую очередь Советы. Так, комиссар РК Финляндии при штабе Або-Оландской укрепленной позиции Н. Копылов после своего прибытия в Або отправился сначала отнюдь не к месту своего назначения, а в Совет депутатов армии, флота и рабочих АОУП. Там он принимал участие в заседании, где редактировал обращение к ВЦИК Советов. Там же им был зачитан текст «Воззвания» к военным частям с призывом «довериться своим демократическим органам и поставленным ими начальникам»²⁴. По-видимому, аналогично действовал сначала и комиссар РК при штабе 42-го корпуса А. Сасов, направившийся в Выборгский Совет²⁵.

Первоочередной мерой, которую реализовывали комиссары РК и Центробалта, направленные в конкретные части, была организация общих собраний личного состава. Решение об их проведении было принято на совместном заседании членов ИК Гельсингфорского Совета, Областного комитета Финляндии, Центробалта, а также представителей судовых и полковых комитетов 29 августа. Целью собраний было принятие резолюций о том, на чьей стороне будут выступать части или экипажи, а также опрос представителей офицерства «согласны ли они выступить вместе с частями для защиты ее органов или же стоять на стороне генерала Корнилова». Об их решении предписывалось «отобрать подписку с каждого»²⁶. В этих условиях наблюдается разница между положением комиссаров частей и кораблей, назначаемых РК и ЦКБФ. Если комиссары Ревкома ограничивались проведением собрания с частью личного состава, поручая довести позицию РК до сведения остальным членам полковых или ротных комитетов, то на кораблях комиссары устанавливали более полный контроль.

Объясняется это, в первую очередь, особенностями размещения и численностью. В сухопутных частях личный состав мог быть значительно разбросан географически. Примером может служить дислокация частей 5-й Кавказской дивизии. Она располагалась на территории

от Териоки (Зеленогорск) на Карельском перешейке, до Гельсингфорса²⁷. По этой причине общее собрание в Гельсингфорсе провел посланный комиссаром РК в 3-й Екатеринбургский полк Н. Ф. Измайлов. Выступая перед казаками, он призывал офицеров: «товарищам офицерам я считаю своим долгом предложить, если только вы идете честно, с открытой душой и сердцем защищать родину и революцию <...> Распишитесь под этой резолюцией»²⁸. А в Выборге перед солдатами 4-й Кубанской батареи, также входившей в 5-ю Кавказскую дивизию, выступал А. Сасов. Резолюции в частях, стоявших в более отдаленных районах, должны были получать местные комитеты²⁹.

На кораблях Балтийского флота, которые находились в Гельсингфорсе, собрания проводились в присутствии комиссаров ЦКБФ. Именно так разворачивались события на линкоре «Петропавловск» 30–31 августа. 30 августа при участии назначенного комиссаром Е. С. Блохина общее собрание выработало текст офицерской антикорниловской резолюции, к которой присоединилось большинство офицеров. Однако позднее выяснилось, что четверо: лейтенант Б. П. Тизенко, мичманы Д. А. Кандыба, М. В. Кондратьев и К. М. Михайлов, отказались ее поддержать, предложив свою. В ответ экипаж их арестовал. Утром следующего дня об этом стало известно Е. С. Блохину, о чем он сообщил на заседании Центробалта. На общем собрании делегаты вынесли решение «поручить т[оварищу] Блохину срочно выяснить все обстоятельства дела на месте и принять все меры к недопущению эксцессов»³⁰. После этого комиссар ЦКБФ, согласно его показаниям, вновь отправился на линкор, где арестованные были допрошены в его присутствии. После этого было принято решение отправить их для разбирательств в Революционный комитет. С тем Е. С. Блохин и вернулся, сделав около 18.00 короткий доклад С. С. Магнитскому. Однако около 21.00 отправленные под охраной арестованные были расстреляны своими конвоирами. При этом версия о непричастности Блохина к этому решению представляется спорной, т. к. статус и полномочия комиссаров были весьма велики. Кроме того, Е. С. Блохин представлял в ЦКБФ именно «Петропавловск», его члены экипажа знали очень хорошо по активной позиции в июне 1917 г., когда он выступал активным поборником выборного начала. Сомневались в его пассивной позиции и в ЦКБФ. Так, бывший депутат И. Гребенщиков вспоминал по этому поводу на одном из памятных вечеров в первой половине 1930-х гг.: «Здесь в Центробалте было тоже неопределенное отношение. Было заметно, что товарищ Блохин с “Петропавловска” знал об этом и, может быть, даже согласился с постановлением команды о том, чтобы их угробить»³¹.

Однако необходимо отметить, что некоторое соперничество между центральными органами революционной власти в процессе делегирова-

ния комиссаров давало себя знать. Так, 29 августа в Або (Турку) прибыл назначенный комиссаром РК в штаб Або-Оландской укрепленной позиции Н. Копылов. Но еще на утреннем заседании Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих АОУП его председатель А. Матвеев сообщил о полученном распоряжении ЦКБФ о назначении комиссаров. Депутат Гневушев был направлен в штаб позиции, Коломийченко и Робяков — в Службу связи, Сакович — во 2-ю воздушную бригаду, Антонов — в школу мотористов³². Н. Копылов вынужден был начать свою деятельность с выстраивания иерархии подчиненности комиссаров. Он выступил на общем собрании Совета, подробно изложив все обстоятельства создания РК Финляндии и своего назначения. Завоевав таким образом доверие и приняв участие в выработке «Воззвания» к местным демократическим организациям, Копылов перешел к наиболее щекотливому вопросу распределения своих полномочий и полномочий ранее избранных местных комиссаров. Ему удалось убедить Совет в необходимости сохранения за ними их назначений, однако с необходимостью отчитываться перед ним в своей деятельности³³. Однако время было упущено, комиссары отправились к местам своего назначения лишь 30 августа. Еще до приезда комиссара Саковича личным составом авиастанции Або был убит старший лейтенант А. И. Макаревич. Мотивы его убийства остались не вполне ясными. Расследование было поручено Саковичу и представителям следственной секции Совета³⁴.

Схожим образом развивались и события в Выборге с той разницей, что имело место соперничество между людьми, а не учреждениями. На заседании РК Финляндии 28 августа комиссаром был назначен А. Сасов, приступивший после визита в штаб 42-го корпуса с помощью местного Совета к поездкам по частям. Однако назначение комиссаром в местный цензурный пункт Ф. Судакова спровоцировало обострение ситуации. Оно было связано с претензией Судакова, утверждавшего, что посланные из Петрограда и Гельсингфорса телеграммы сознательно задерживаются и не доводятся до сведения Выборгского Совета и армейского комитета.

В результате были арестованы и отправлены в гарнизонную гаптвахту командир 42-го корпуса генерал от кавалерии В. А. Орановский, обер-квартирмейстер корпуса генерал-майор В. Н. Васильев, комендант Выборгской крепости генерал-майор Ф. В. Степанов, а также начальник военно-цензурного пункта подполковник Н. Б. Кюренуус³⁵. Днем 29 августа толпа из нескольких десятков солдат ворвалась в помещение, где находились арестованные. Их выволокли на мост, а затем бросили в воду, расстреливая всплывавших. Бессилие местных революционных властей лаконично охарактеризовано в короткой заметке: «Все прои-

зошло стихийно и совершенно неожиданно для представителей местных организаций <...> необузданность толпы доходила до того, что люди, пользующиеся всеобщей известностью и уважением местного гарнизона, подверглись оскорблениям <...> едва не был арестован председатель армейского комитета Масленников»³⁶. Эти события послужили поводом к дальнейшим убийствам офицеров. Всего, по оценке журналистов, в Выборге погибло 22 офицера³⁷. Во временное командование вступил штабс-капитан Елизаров, опиравшийся на авторитет созданного вечером Революционного комитета, куда был включен и Ф. Судаков. По-видимому, именно этим, а не отказом штаба корпуса в признании, на чем настаивал сам А. Сасов, объясняется его скорый отъезд³⁸.

Таким образом, в дни корниловского выступления в Финляндии сохранялось спокойствие. Это объяснялось единством позиции революционных органов власти, сумевших преодолеть внутренние разногласия и быстро реагировавших на сообщения из Петрограда. Важным механизмом поддержания «революционного порядка» среди русского военного и гражданского населения Финляндии были назначаемые комиссары.

Комиссары назначались по распоряжениям созданного в эти дни чрезвычайного органа управления — Революционного комитета Финляндии, либо по распоряжениям Центрального комитета Балтийского флота. Первые отправлялись во все наиболее значительные населенные пункты, важнейшие военные и гражданские правительственные учреждения. Они наделялись широкими правами, подчиняя не только работу учреждений, но и органы революционного самоуправления (комитеты, общие собрания). Благодаря их деятельности были поставлены под контроль средства передачи информации, командование, подозревавшееся в симпатиях к Л. Г. Корнилову, оказалось отрезано от своих частей.

В то же время, в некоторых случаях комиссары были склонны потакать вспышкам радикализма личного состава частей в отношении своих офицеров, что способствовало эксцессам и новой вспышке насилия на Балтике. В некоторых случаях имело место соперничество между комиссарами. Это порождало недостаток взаимодействия и в ряде случаев не позволяло отреагировать на эксцессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 154. *Штарев А. С.* История революционного движения во флоте за 1917 г.; Там же. Д. 153. *Зингер М. Э.* 1917 год в Балтийском флоте.

² *Астухов В. П.* Корниловщина // Морской сборник. 1924. № 8. С. 1–16.

³ Там же. С. 13.

⁴ Дрезен А. К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. // Красная летопись. 1929. № 5. С. 178.

⁵ История Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Краткий курс. М., 1938. С. 193.

⁶ Сивков П. З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М., 1946. С. 214; Богданов А. В. Моряки-балтийцы в 1917 году. М., 1955. С. 70–71; Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 157; Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Л., 1969. С. 115–116; Пантелеева В. П., Веприков Г. Н. Ленин и Балтфлот. Калининград, 1990. С. 94; Дважды Краснознамённый Балтийский флот. М., 1990. С. 116.

⁷ Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. М., 1963; Хесин С. С., Чугаев Д. А. Центральный комитет Балтийского флота [Вступительная статья] // Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота 1917–1918. М., 1963. С. 5–30; Блинов А. М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 28–42.

⁸ Хесин С. С., Чугаев Д. А. Центральный комитет Балтийского флота [Вступительная статья]. С. 5.

⁹ Хесин С. С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977. С. 349.

¹⁰ Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 132.

¹¹ Бугаев Р. А. Участие комиссаров Центробалта в аресте генерала А. Н. Долгорукова (27–30 августа 1917 г.) // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2019. С. 255–262.

¹² РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

¹³ Там же. Д. 234. Л. 52.

¹⁴ Там же. Д. 6. Л. 55.

¹⁵ Там же. Л. 83.

¹⁶ Там же; Д. 41. Л. 53; Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). С. 128.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 6. Л. 84.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 243. Л. 496; Приказ по Свеаборгской крепости // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих (Далее: Известия Гельсингфорского Совета). 1917. 30 августа.

²⁰ Там же; Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). С. 129.

²¹ Протокол № 135 заседания ИК Совета АОУП от 1 сентября 1917 г. // Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укреплённой позиции (Далее: Известия Совета АОУП) 1917. 5 сентября.

²² РГАВМФ. Ф. Р-95 Оп. 1. Д. 41. Л. 51.

²³ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии. 1914–1917. М., 2016. С. 136; Судаков Ф. Военная цензура Финляндии // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 10 сентября.

²⁴ Протокол № 46 общего собрания Совета АОУПП // Известия Совета АОУП. 1917. 2 сентября.

²⁵ [Б/а] К событиям в Выборге // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 7 сентября.

²⁶ РГАВМФ. Ф. Р-95 Оп. 1. Д. 41. Л. 99; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее: ЦГАСПб). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 113. Л. 194; *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). С. 127–128.

²⁷ *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 20, 28.

²⁸ [Б/а]. Речь комиссара Революционного комитета Измайлова к казакам 5-й Кавказской дивизии // Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 2 сентября.

²⁹ Елисеев Ф. И. С Корниловским конным. С. 25–27.

³⁰ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 6. Л. 90.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 104 об. — 105.

³² Протокол № 132 заседания ИК Совета АОУП от 29 августа 1917 г. // Известия Совета АОУП. 1917. 3 сентября.

³³ Протокол № 46 общего собрания Совета АОУП // Известия Совета АОУП. 1917. 2 сентября.

³⁴ Протокол № 133 заседания Исполнительного комитета Совета АОУП от 30 августа 1917 г. // Известия АОУП 1917. 3 сентября.

³⁵ [Б/а] Расплата за Корнилова // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 30 августа; Казанцев Д. Л. Указ. соч. С. 141.

³⁶ [Б/а]. К событиям в Выборге // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 5 сентября.

³⁷ [Б/а]. Выборгские события // Петроградский листок. 1917. 8 сентября.

³⁸ [Б/а] В Выборге // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 2 сентября; [Б/а] К событиям в Выборге // Там же. 5 сентября; РГАВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 126. Л. 199 об. Доклад А. Сасова, командированного в качестве комиссара Революционного комитета в штаб 42-го корпуса.

ЛИТЕРАТУРА

Автухов В. П. Корниловщина // Морской сборник. 1924. № 8. С. 1–16.

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 20 (1). С. 26–39.

Блинов А. М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 28–42.

Бугаев Р. А. Участие комиссаров Центробалта в аресте генерала А. Н. Долгунова (27–30 августа 1917 г.) // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 255–262.

Дрезен А. К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. // Красная летопись. 1929. № 5. С. 157–212.

Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март — октябрь 1917 г.). Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центр РАН, 1992. 173 с.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.

Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1963. 240 с.

Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л.: Наука, 1966. 268 с.

Сивков П. З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М.: Военное изд-во Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1946. 280 с.

Смолин А. В. Моряки-балтийцы в Гельсингфорсе в 1917 г. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2014. № 12. С. 246–251.

Хесин С. С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М.: Наука, 1977. 176 с.